

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Бравина Р.И. — Археология фольклора: древние обитатели Восточно-Сибирской Арктики // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.8.39818 EDN: WLLPMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39818

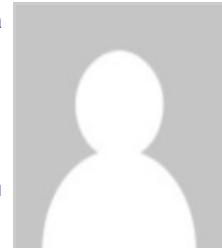
Археология фольклора: древние обитатели Восточно-Сибирской Арктики

Бравина Розалия Иннокентьевна

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>

доктор исторических наук

заведующий отделом археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Федерального исследовательского центра "Якутский научный центр" Сибирского отделения Российской академии наук

677027, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1

[✉ bravinari@bk.ru](mailto:bravinari@bk.ru)

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.8.39818

EDN:

WLLPMZ

Дата направления статьи в редакцию:

20-02-2023

Аннотация: Предметом исследования являются аборигенные племена якутской Арктики по материалам фольклора коренных народов Северо-Востока Азии. Мифологические сюжеты и фольклорные тексты включают образы от мифических персонажей – духов-хозяев иччи, кучуна периферийных пограничных территорий и диких «полулюдей-полуживотных» чучуна/сучуна, до представителей чужеродных племен омук с их необычной внешностью и повадками: «волосатых» великанов, крошечных человечков и людей, «засыпающих на зиму». Цель и задачи статьи – обобщение, систематизация и анализ фольклорных текстов о древних обитателях якутской Арктики с привлечением материалов мифологии, топонимики, этнографии и археологии. В жанрах якутского фольклора хотя и выделяется цикл легенд и преданий о неякутских племенах, но тем не менее нет специальной статьи, посвященной древним обитателям арктического побережья и островов северных морей Якутии. Фольклорные тексты содержат в себе разновременные, в том числе глубоко архаичные пласти мифологических представлений и народных знаний, присущих как якутам, так и тунгусо-маньчжурским, палеоазиатским,

самодийским и финно-угорским народам. При этом сюжеты преданий и легенд постоянно развивались, впитывая в себя и мифологические представления, и реальные черты быта арктических охотников и оленеводов, а также обрывки раннерусского фольклора. Столь широкое ареальное распространение можно объяснить единым историко-культурным наследием, включая и фольклорные традиции Северной Евразии.

Ключевые слова:

Восточно-Сибирская Арктика, Северный Ледовитый океан, якуты, тунгусы, археология, фольклор, топонимика, духи, приморские люди чучуна, чужеродные племена

Введение. Одной из актуальных задач исторической науки в новых геополитических условиях является исследование и обобщение исторического опыта присутствия России в Арктике и Северном Ледовитом океане с древности по настоящее время. Цель настоящей статьи – обобщение, систематизация и анализ фольклорных текстов о древних обитателях якутской Арктики с привлечением материалов мифологии, топонимики, этнографии и археологии. Г. У. Эргис, классифицируя жанры якутского фольклора, среди исторических преданий особо выделил цикл легенд и преданий о неякутских племенах Якутии, отметив «их ценности в качестве источника по изучению истории северных аборигенных племен» [\[26, с. 244-246\]](#). Иного взгляда придерживался другой якутский фольклорист В. М. Никифоров, по мнению которого якутские сюжеты идентичны хронологически поздним долганским преданиям о «беглых русских» и по этой причине не представляют интереса ни в информативном, ни в источниковом отношении [\[14, с. 48-49\]](#). Даже с этой точки зрения любой этнокультурный ландшафт сохраняет в себе разновременные и разнородные, различные по своему происхождению слои знаний и представлений о его обитателях. Именно в этом контексте нами использовано понятие «археология фольклора», выведенное в название настоящего исследования.

Основу исследования составляют материалы, опубликованные Г. В. Ксенофонтовым (1937), А. П. Окладниковым (1948), И. С. Гурвичем (1978), а также фольклорные тексты и этнографические сюжеты, зафиксированные в трудах полярных исследователей XIX – начала XX вв., в полевых материалах северной экспедиции (1939–1941 гг.) Института языка и культуры при СНК ЯАССР, хранящихся в архиве Якутского научного центра СО РАН.

В исследовании применялись описательный, историко-генетический и историко-сравнительный методы.

«Приморские люди», дух кучуна. Якуты освоили арктические территории задолго до прихода русских, что подтверждается археологическими памятниками раннеякутской культуры «малых домов» (XIV–XVI вв.) на Нижней Лене [\[11, с. 211-216\]](#). Эти данные органически сочетаются с топонимикой побережья моря Лаптевых от реки Хатанга до мыса Святой Нос и Новосибирских островов, где якутские названия составляют 85% [\[23, с. 5\]](#).

Северные якуты признавали существование «приморских людей» (як. муора киси), которым были свойственны весьма причудливая внешность и способность к волшебству. «Схватиша его, напримеръ, рукою, а тамъ... пустое место, человекъ исчезъ, – говорится в записях В.Л. Серошевского, сделанных в Колымском округе в 1883 г. – Или есть среди

ніхъ люди, которые могутъ расколоться надвое, прідеть одінь, а окажется ихъ двое, головы у ніхъ нетъ, а глаза, ротъ и носъ помещается у ніхъ подъ мышкой, отчего они, разговаривая, принуждены махать руками. Эти чудовища отлично ныряютъ и плаваютъ по морю» [\[19, с. 73\]](#). По данным И. А. Худякова, жиганские якуты, кочующие по берегам Ледовитого моря и верхоянские ламуты, бродящие на западе по горным каменистым речкам, называют приморских жителей *хучуна* и приписывают им огромный рост [\[25, с. 81, 100\]](#). Подобные рассказы, основной сюжет которых довольно устойчив, во многом перекликаются с преданиями о «диких людях» чучуна/сучуна, имевшими распространение в северных районах Якутии [\[8\]](#).

Аллаиховские якуты и юкагиры, кочующие по прибрежной тундре, близким словом *кучуна* называли духа Ледовитого океана. Он ростом с человека, худого телосложения, с черным лицом, покрытым шерстью. Носит одежду из рыбьей кожи с шерстью (нерпы? Р. Б.) типа чукотской кухлянки. Вооружен «худым» примитивным луком, носит за спиной колчан с 8–9 стрелами с костяными наконечниками, имеет копье с обмотанным кожаными ремнями древком. Кучуна летом обитает в прибрежной тундре. Он не умеет говорить, только тявкает подобно песцу и издает пронзительный свист. Ночью приходит на стойбище и крадет с лабазов высушенную оленину. Однажды юкагиры отправили свою дочь пригнать оленей. Через год тело ее нашли на берегу моря. Кучуна соорудил из трех жердей остов вроде чума. Дух порвал тело девушки на две части. Верхнюю половину усадил внутри остова лицом к морю, вероятно, поднося жертвоприношение духу моря. Говорят, кто посмотрит на кучуну – ума лишится или умрет в скором времени [\[1\]](#).

К приморским людям относились и иные, чужеродные племена омук. Верхоянские якуты, например, к ним относили эвенов и эвенков [\[6, с. 285\]](#), а аллаиховские же якуты – чукчей [\[2\]](#). Среди омук попадались люди со странными повадками. В 1908 г. П. В. Слепцов записал рассказ о тунгусе, откочевавшем на запад и встретившем людей омук, вполне нормальных с виду. Он женил своего сына, и они увезли молодую с собой. На прощание тесть сказал зятю, чтобы он не вздумал навещать их зимой. Молодой человек удивился, но подстрекаемый любопытством, как только наступила зима, ничего не сказал жене и поехал к тестю. Подъезжая заметил, что снег возле дома не утоптан, никто по нему не ходил. Влетев в дом, увидел, что все домашние сидели с поникшей головой, скрестив ноги, а из носа свешивались ледяные сосульки, примерзшие к полу. Испугавшись, зять разбил у тестя сосульку и тот молча упал. Вернувшись понурясь домой, он рассказал обо всем жене. Она заплакала и сказала, что он убил ее отца. «Вот какие странные люди бывали, говорят далеко на Севере. Они зимою, когда из носа опускались вниз сосульки, умирали, весною же, когда льдинки оттаивали, воскресали» [\[10, с. 114\]](#).

Духи-хозяева и обитатели морских островов. С началом промышленного освоения морских островов в конце XVIII в. из числа северных якутов и русских арктических старожилов стали создаваться артели по добыче ископаемой мамонтовой кости, и арктический геоландшафт постепенно стал наполняться архетипической матрицей якутской культуры. В архаическом восприятии якутов Ледовитый океан *Муус-Кудулу* приравнивался к «иному» миру. В якутском эпосе олонхо он располагается на севере, на самом краю земли, «у истока смерти самой». Его границы охраняют духи моря *Муус Солуонай* (як. *муус* – лед, ледяной; *солуонай* – искаж. русс. соленый) и *Муус Суорун* (як. *суорун* – ворон) [\[15, с. 15, 427\]](#). В эпических текстах описываются обитатели морских глубин – «зубастые чудовища-рыбы», «остроклыкие огромные звери», а также «духи

подземной тьмы с никогда непроизносимыми грозными именами» [\[15, с. 200, 202\]](#). К последним относились мамонт и белый медведь. Примечательно, что среди арктических топонимов не встречается якутское название мамонта *сэлии*, а используются иносказательное *муос* — рога или искаженное русское *мааман*. Например, Новосибирские острова из-за обилия ископаемой мамонтовой кости якуты называли «Муостуур арыы» (букв. острова, где промышляют рога, т.е. мамонтовые бивни). В топонимике Арктики больше всего «медвежьих» названий, их около сотни, но тем не менее, только одно из них является якутским — лагуна Эселях (як. Медвежья). По представлениям якутов, медведь является духом-хозяином Нижнего мира, скованного вечными льдами. М. И. Бруслев писал, что якуты-промышленники тушу убитого белого медведя не едят, в отличие от черного таежного, а разрубают на куски и закапывают их в землю порознь, сердце режут по количеству сторон света на четыре части, глаза выкалывают, чтобы зверь не мог прийти и отомстить [\[22, с. 126\]](#).

Существовало табу и на якутские имена духов-иччи островов. Так, духом или божеством, «выпускающим из-под земли мамонтовую кость» якуты считали господина *Юмючюгун* и госпожу *Ньидьигин* [\[25, с. 288\]](#). По пояснению С. И. Шариной — к.ф.н., с.н.с. отдела северной филологии ИГИиПМНС СО РАН, если этимологизировать приведенные выше словоформы, то можно выйти на эвенские слова «эюмэттэй» — плавать на поверхности воды и «нидэрдэй» — вдавиться, опуститься, провалиться [\[18, с. 350, 192\]](#). В местах, где находили много мамонтовой кости в честь этих духов якуты вешали ритуальные веревки *дэлбиргэ* и пучки конских волос, о чем свидетельствует названия островных местностей *Дэлбиргэлэх* (с ритуальной веревкой), *Сиэллээх* (с пучком конских волос).

Обиталищем духов-хозяев иччи морских островов якуты считали полуостров *Кисилэх* (як. *киси* — человек), окаймленный стеной из причудливо обработанных ветром гранитных останцев в виде фигур людей, у подножия которых местные промысловики оставляли жертвоприношения — игральные карты, ленточки, конфеты, мелкие деньги. Когда в свое время А. А. Бунге пытался отбить образцы кисиляхских гранитов, они решительно воспротивились, опасаясь гнева каменных исполинов [\[22, с. 26\]](#).

Островной дух представлялся в виде старика, одетого в белые меха, который ездил на нарте, запряженной белыми собаками. Он был страстным картежником. Якуты говорят, что иногда духи-хозяева островов и близлежащих материковых земель собираются вместе, чтобы играть в карты. Когда проигрывает островной иччи, а материковый в выигрыше — на материке много песцов, а на островах они исчезают. Так же объясняется и неравномерность появления стад диких оленей и их численности. Якуты полагают, что иччи проигрывали не только песцов и оленей, но и мамонтовые бивни [\[22, с. 195\]](#).

Во время экспедиции 1925 г. Г. В. Ксенофонтов записал у жиганских и усть-янских якутов, промышлявших на ближайших островах, легенды и предания об их древних обитателях — волосатых великанах [\[12, с. 387\]](#). Сюжеты этих легенд однородны. Охотник (в разных вариантах — якут, тунгус, долган, казак), обезглавивший песцов пасти (на островах Новая Сибирь, возле Русского Устья, на р. Оленек), придя в свое зимовье, застает незнакомца громадного роста с бородатым лицом. Тайком следуя за ним, охотник прибывает в поселение, состоящее из нескольких жилищ. Он входит в крайний дом и в сенях обнаруживает развешанную меховую одежду. Обитатели дома, лежа в постелях, слушают певца, подбадривая его якутским возгласом «ноо». Из разговора с белолицей женщиной, тело которой было сплошь покрыто шерстью, он узнает, что пришел к «волосатому народу». На прощание женщина дарит охотнику суму, набитую мехами.

Интерес представляют и примечания информаторов. Один из них упоминает имя барона Толля, который якобы погиб во время поисков этого таинственного народа. Другой добавляет, что когда будет найден бородатый народ, то должно быть с ним великое сражение [\[13, с. 288–291\]](#).

Этот сюжет имеет свое развитие в предании, зафиксированном А.П. Окладниковым на Нижней Лене. В Туматском наслеге местные рассказывали, что лет восемьдесят тому назад, т. е. в середине XIX в., выстрелом с острова был убит капитан корабля, предположительно американского. После этого русские построили здание для охранного поста от возможного нападения дикого островного племени [\[17, с. 100\]](#).

Среди фольклорных текстов этого цикла особняком стоит бытовавшая среди оленёкских эвенков легенда о малорослом племени *kyrbas omuk* (як. *kyrbas* — кусочек, кроха) из Ледяной горной страны, расположенной посреди Ледовитого океана. Эти люди были настолько малы ростом, что из шкуры белки шили однушку, песца — три, волка — пять, белого медведя — десять. Это было многолюдное племя, во главе которого стоял мудрый вождь. Они ездили на собачьих упряжках, жили в домах из снега и льда, охотились на тюленей, белых медведей и белугу. Однажды вождь собрал свой народ и поведал, что под вечным льдом слышится какой-то гул, сопровождаемый дрожанием морского дна, и предложил перекочевать на материковую землю. Как только люди покинули остров, гора изверглась со страшным грохотом, до небес поднялся столб огня, и все разрушилось. От оставшихся в живых мелких людей произошли малорослые тунгусы [\[3, с. 92–93\]](#).

Обсуждение. Анализируемые выше тексты свидетельствуют о том, что в традиционном обществе коллективное сознание оставалось глубоко мифологизированным и воспринимало аборигенные племена как обитателей иных миров. Архаичные представления о «полулюдях-полуживотных» чучуна/сучуна близки к распространенным мотивам асимметрии демонических персонажей и хтонических духов в эпосе олонхо. Например, в оленёкском варианте предания одногоний и однорукий чучуна/сучуна сродни эпическим богатырям Нижнего мира [\[7\]](#). В тоже время безголовые «приморские люди» в записи В. Л. Серошевского, рот и нос которых находится под мышкой напоминают древнее описание «самоедов» из сочинения конца XIV–XV в. «О человечех незнаемых в восточной стране и о языцех розных», написанного еще до Ермака. «Самоедь такова: вверху рты, роть на темени, а не говорять...; а коли едять, ... они плечима движуть вверхъ и внизъ» [\[21, с. 4\]](#).

Несмотря на то, что подобные рассказы сохранились на севере Якутии вплоть до конца XIX в., чучуна постепенно приобретает вполне антропоморфный облик и «одомашнивается». В одном из поздних вариантов преданий этого цикла он отличается от людей только огромным, с лиственницу, ростом и такой мощью, что голыми руками разрывает оленя пополам [\[10, с. 116, 117\]](#). В другом варианте чучуна насиливо уводит из стойбища молодую женщину в свой дом, который представляет собой традиционное жилище холомо, «но покрытый мхом и ветвями, с одной дверью и тремя окнами» [10 с. 115–116]. Дальнейшая трансформация представлений о чучуне зафиксирована А. А. Саввиным в 1940 г. у аллаиховских якутов, которые допускали, что чучуна — это «земной плут чукча» (якут. *сир албына чукча*), который бродит в одиночку в поисках новых оленевых пастбищ. Чукчи при знакомстве с местными, посмеиваясь, рассказывали, где, когда и при каких обстоятельствах они его видели [\[2\]](#).

О происхождении и сущности легенд об арктических великанах высказывалось немало

гипотез. По мнению Г. В. Ксенофонтова, легенда, вероятно, была занесена в высокие широты либо оленными тунгусскими родами, вышедшими из Амура, либо казаками, ходившими в походы на Охотское море и встретившими в южной части Сахалина бородатых айнов [\[12, с. 388-390\]](#). В мифах народов Приамурья духи-хозяева воды изображались в виде седоволосых людей с длинными бородами и волосами, которым во время праздника «кормления воды» приносили жертвы. А «рыбьекожие» нивхи, живущие на морском побережье, и ороки Сахалина ставили у самого берега моря наклонно друг к другу прутья, на концах которых вырезали стилизованные изображения мужских и женских лиц [\[20, с. 77\]](#). Описываемый ритуал мог быть одним из сюжетообразующих мотивов предания о кучуне, приносящем жертвоприношение духу Ледовитого океана.

В варианте легенды, записанной Б. О. Долгих, охотник видит в сенях жилья бородатых людей «много медведей разного цвета, сложенные как поленница дров клыки мамонта». Это, по его мнению, указывает на факт очень раннего появления русских на северном побережье Сибири к востоку от Таймыра, тайно занимающихся сбором мамонтовых бивней, что проявляется, в частности, в мотиве скрытности и замкнутости волосатых обитателей. А. П. Окладников, включивший его статью в качестве приложения в свою монографию о русских мореходах XVII в., не принял подобную трактовку легенды, отметив, что в ее основе лежат мифологические представления о божествах охоты и хозяевах леса — дарителях охотничьего счастья, широко распространенные у многих охотничьих племен Сибири [\[16, 151-152\]](#). Следует отметить, что подобные предания зафиксированы также в фольклоре энцев и нганасан [\[19, 150-153\]](#).

Волосатые великаны с арктических островов, хотя и обладают несколько фантастической внешностью, имеют дома, носят меховую одежду, промышляют северных оленей, песцов, морских животных и мамонтовую кость, ездят на собачьих нартах. Их быт в целом напоминает хозяйство и занятия носителей древних культур циркумполярного мира. Среди находок, обнаруженных на археологических памятниках якутской Арктики, помимо останков лося и северного оленя, встречаются кости волка, песца, водоплавающих птиц, куропаток и др. У села Тумат в бассейне реки Яны в отложениях позднего плейстоцена найдены останки щенков собаки, а на Жоховской стоянке — фрагмент санного полоза. Можно предположить, что это деталь собачьей нарты [\[15\]](#).

Известный русский географ, этнограф и археолог Д. Н. Анучин отмечал, что древние записи «О человеках незнаемых в восточной стране» представляют большой интерес для этнографии народов, проживающих по нижнему течению Оби и по реке Таз — «объ Юракахъ, Каменскихъ Самоедахъ и другихъ племенахъ», и первобытной истории. В специальной работе, посвященной данному сочинению он, комментируя записи о самоедских «пигмеяхъ» П. Петрея — шведского дипломата и историка (1570-1622), сравнивает эти рассказы с германскими (готскими) и финскими (карельскими) преданиями о карликах [\[4, с. 45\]](#).

В этой связи определенный интерес представляет рассказ о маленьких человечках из фольклора оленекских эвенков. Описание жилищ из снега и льда, охоты на тюленей и белуг указывает на быт северо-восточных палеоазиатов, что усиливается описанием извержения ледяной горы подобно вулкану. Кстати, географическое название Камчатка, хотя и редко, но встречается в фольклорных текстах народов Якутии. Сопредельной с Якутией территорией распространения подобных преданий является север Западной Сибири. Так, в верховьях Нижней Тунгуски до тунгусов обитали так называемые чури —

«карлики», которые в отличие от них ели сырую рыбу и собачье мясо, снимали чулком шкуру с живых диких оленей (ради забавы) и т. д. Известны и другие названия – чулурэ, чулурэ-сэлэргун (эвенк. сэлэ – «металл», «железо»). Отсюда следует, что «карлики» были знакомы с металлургией. Данный сюжет соотносится также с преданиями ненцев о малорослом народе сихиртя, сиртя, живущим в пещерах гор, где находят их «клады» – латунные и медные чашечки и бляшки. Они пасли земляных оленей (мамонтов), передвигались на собачьих упряжках, ловили рыбу. Девушки и женщины сихиртя пришивали на рукава много металлических колокольчиков. Сопоставляя эти предания с археологическими материалами древних поселений на территории Ямала, некоторые исследователи считают этот народ древними обитателями субарктики, сезонно кочевавшими от тайги до морского побережья, где занимались также промыслом морских зверей [\[24\]](#).

В вышеуказанном раннерусском сочинении о «человецах незнаемых» присутствует и описание «засыпающих» на зиму людей. «Въ той же стране, за теми людми, есть иная Самоедь такова, какъ и прочіи человеци; по зиме умираютъ на два месяца, умираютъ же тако: какъ где застанеть которого въ те ме яци, то тuto и сядеть, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока, да вымерзнетъ къ земли; и кто человеckъ иные земли неведаніемъ то толко отразить, у него спхнетъ съ места, то уже не оживеть; а не сопхнетъ съ места, то той оживеть и познаеть и речеть ему: „О чемъ мя еси, брате, поуродовалъ?“ А оживають, какъ солнце на лето поворотится» [\[21, с.4-5\]](#).

Возникает вопрос о возможных путях проникновения обозначенных сюжетов в фольклор народов Якутии. Самый простой из них – это заимствование из фольклора русско-устинцев, предки которых прибыли на Индигирку на кочах вдоль арктического побережья еще в XVI в., спасаясь от опричников Ивана Грозного. Например, образ якутского духа-хазяина иччи морских островов напоминает мифического духа тундры сендушного у русско-устинцев, одетого во все белое и ездящего на собаках. Креста он боится, а карты любит. Наиболее храбрые из старорусских промысловиков, если его встретят, то дают карты, спирт и просят дать им взамен «песца поболе». «Только вот кто знается с сендушным, на том свете к сатане пойдет» [\[8, с. 69\]](#).

В легендах о сиртя и «засыпающих на зиму» можно выделить два пласта: первый – о досамодийском населении тундры (есть гипотеза, что это были юкагиры), и второй – более ранний, имеющий общие корни с преданиями древнейших обитателей Севера – лапландцев (саамов, лопарей). Примечательно, что вафельная керамика позднего неолита Якутии встречается на обширной территории от Ямала до Фенноскандии, включающей северные территории Норвегии, Швеции, Финляндии и Кольский полуостров России. Считается, что на рубеже позднего неолита и бронзового века предки уралоязычных юкагиров перебрались с Таймыра в Якутию и, расселившись на огромной территории от Анабара до Чукотки, вступили в тесные контакты с местными палеоазиатскими племенами. Высокий уровень мобильности и адаптивности арктических культур задавали настолько высокий импульс коммуникации, что новшество, возникшее в одной части Заполярья, могло за короткий срок перекочевать в другую. В результате сформировалось единое историко-культурное наследие арктической Евразии, в котором фольклор занимает важное место. Примером могут служить хосунные сказания северных якутов-оленеводов о взаимодействии во времена «оленеводческой революции» XV–XVII вв. с чужеродными племенами саамай (самодийцы), майаат (нганасаны), дьураах (юраки, ненцы), юнгкээбил (юкагиры), юрэн/юрэнэй, ханаайы (эвенки). Бытование близких по сюжету преданий у долган и эвенков Красноярского края и нганасан Таймыра свидетельствует о существовании единого фольклорного пространства в

северной Евразии.

Заключение. Анализ преданий, легенд и рассказов якутов о древних обитателях Арктики проявляет наслаждение разных в хронологическом и этнокультурном отношении фольклорных текстов. Они содержат в себе разновременные, в том числе глубоко архаичные, пласти мифологических представлений и знаний о природе и быте народов, осваивающих циркумполярный мир, присущих как якутам, так и тунгусо-маньчжуром, палеоазиатам, самодийцам и финно-уграм. Столь широкое ареальное распространение можно объяснить тем, что в прошлом почти вся Северная Евразия представляла собой единое культурное пространство. При этом сюжеты преданий и легенд постоянно развивались, впитывая в себя архаичные мифологические представления об окружающем мире, реальные черты быта арктических охотников и оленеводов, обрывки раннерусского, так называемого «раскольнического» (по А.П. Окладникову) фольклора, в которых причудливо переплетались образы от мифологических персонажей — духов-хозяев периферийных пограничных территорий, диких «полулюдей-полуживотных» чучуна до представителей чужеродных племен омук с их необычной внешностью и повадками.

Потенциал фольклорных материалов для изучения ранних этапов этнической истории и культуры народов Арктической Евразии, ее заселения и освоения на сегодняшний день далеко не исчерпан, что раскрывает новые перспективы для дальнейших междисциплинарных изысканий.

Библиография

1. Анисимова, М. А. Оленёк – по следам Юрэн Хосуна. В 2 кн. Кн. Фольклор / М. А. Анисимова. – Якутск : Бичик, 2012. 192 с. (на як. яз.).
2. Анучин, Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака : древнее русское сказание «О человеке незнаемых в восточной стране» : археолого-этнографический этюд : с 14-ю рисунками в тексте. – М. : Тип. и словолития О. О. Гербек, 1890. – 89 с.
3. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. Оп. 12. Д. 44. Л. 359–362.
4. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 46. Л. 431.
5. Боецков, Г. Г. К истории формирования домашней собаки на территории Якутии / Г. Г. Боецков, А. Д. Степанов, В. Н. Винокуров [и. др.] // Вестник СВФУ. – 2015. – № 5 (49). – С. 5–17.
6. Большой толковый словарь якутского языка. В 15 т. Т. 7: (Буквы Нь-П). – Новосибирск : Наука, 2011. – 572 с.
7. Бравина, Р. И. Затерянные племена Северной Азии: по легендам и преданиям якутов и эвенков / Р. И. Бравина // IV Роббековские чтения: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (23–24 марта 2022 г.). – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2022. – С. 359–370.
8. Гурвич, И. С. Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). – М. : Мысль, 1975. – 96 с.
9. Долгих, Б. О. Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Б. О. Долгих. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. – 341 с. – («Сказки и мифы народов Востока»)
10. Исторические предания и рассказы якутов. В 2 т. Т. 1. / Под ред. А. А. Попова. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 322 с.
11. История Якутии: в 3 т. Т. 1. / под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И.

- Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск : Наука, 2020. – 536 с.
12. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. В 2 кн. Кн. 1. / Г. В. Ксенофонтов. – Якутск : Бичик, 1992. – 416 с.
13. Ксенофонтов. Г. В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. В 2 кн. Кн. 2. / Г. В. Ксенофонтов. – Якутск : Бичик, 1992. – 316 с.
14. Никифоров, В. М. Якутские народные предания: художественные особенности и историческое развитие жанра / В. М. Никифоров. – Новосибирск : Наука, 1994. – 120 с.
15. Нюргун Бootур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо. – Якутск : Кн. изд-во, 1982. – 432 с.
16. Окладников, А.П. Русские полярные мореходы в XVII века у берегов Таймыра / А. П. Окладников. – М.; Л. : Изд-во и тип. Главсевморпути, 1948. – 158 с.
17. Окладников, А. П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены. // Сборник МАЭ. – Т. 11. – М.; Л., 1949. – С. 73–109.
18. Роббек, В. А., Роббек, М. Е. Эвенско-русский словарь. – Новосибирск : Наука, 2004. – 356 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 6).
19. Серошевский, В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования В. Л. Серошевского. Т. 2: Материалы, варианты, заметки и сказки, оставшиеся от I-го тома. – Якутск : Алаас, 2022. – 320 с.
20. Таксами, Ч. М. Общие черты в духовной культуре народов Приамурья и Сахалина // Этнокультурные контакты народов Сибири. – Л. : Наука, 1984. – С. 74–83.
21. Титов, А. А. Сибирь в XVII веке : Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. – М. : Г. Юдин, 1890. – 216 с.
22. Толль, Э. В. Плавание на яхте «Заря». – М. : Географгиз, 1959. – 339 с.
23. Топонимика морей Советской Арктики / Сост. С. В. Попов, В. А. Троицкий. – Л. : Геогр. о-во СССР, 1972. – 316 с.
24. Хомич, Л. В. Ненецкие предания о сихиртя. // Фольклор и этнография. – Л. : Наука, 1970. – С. 59–69.
25. Худяков, И. А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л. : Наука, Ленингр. изд-ние, 1969. – 439 с.
26. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – М. : Наука, 1974. – 404 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Всем памятны слова М.В. Ломоносова о том, что богатство России прирастать будет Сибирью. И действительно, Сибирь это не только богатая палитра природных ресурсов, но выражение подлинной силы духа, как коренных народов, так и русских людей, которые приложили огромные усилия на ее освоение. В условиях современных геополитических вызовов представляется важным изучение исторического опыта освоения Сибири, особенно ее арктических районов, которые предъявляют повышенные требования к человеку своей экстремальной повседневностью.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является фольклорный материал о древних обитателях

Якутской Арктики. Автор ставит своими задачами осуществить «обобщение, систематизацию и анализ фольклорных текстов о древних обитателях якутской Арктики с привлечением материалов мифологии».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать этнокультурный ландшафт Восточно-Сибирской Арктики. Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена опубликованными материалами по якутскому фольклору, а также документами из фондов Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды И.А. Худякова и Г.У. Эргиса, в центре внимания которых различные аспекты этнографического изучения Восточно-Сибирской Арктики. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как этнографией, в целом, так и этнографией Восточно-Сибирской Арктики, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «любой этнокультурный ландшафт сохраняет в себе разновременные и разнородные, различные по своему происхождению слои знаний и представлений о его обитателях». На основе изучения обширного пласта фольклорных текстов автор отмечает, что они «содержат в себе разновременные, в том числе глубоко архаичные, пласти мифологических представлений и знаний о природе и быте народов, осваивающих циркумполярный мир, присущих как якутам, так и тунгусо-маньчжурам, палеоазиатам, самодийцам и финно-уграм». Сам автор объясняет это тем, что «в прошлом почти вся Северная Евразия представляла собой единое культурное пространство». В работе показано, что «в традиционном обществе коллективное сознание оставалось глубоко мифологизированным и воспринимало аборигенные племена как обитателей иных миров».

Главным выводом статьи является то, что «потенциал фольклорных материалов для изучения ранних этапов этнической истории и культуры народов Арктической Евразии, ее заселения и освоения на сегодняшний день далеко не исчерпан, что раскрывает новые перспективы для дальнейших междисциплинарных изысканий».

К статье есть замечания, относящиеся к оформлению: так, в библиографии некорректно отображается ряд ссылок.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».